

В заброшенном храме внезапно воцарилась мертвая тишина. Опрокинутый стол для подношений перед статуей божества с грохотом рухнул, подняв облако пыли, которое тут же забило в нос и рот. Цяо Жань крепко сжала зубы, прислушиваясь к лязгу мечей за спиной, и почувствовала, как бешено колотится сердце.

В критический момент, когда до беды оставались считанные мгновения, на её висках выступил холодный пот.

— Да нет здесь никого, — раздался раздраженный голос одного из стражников Цзиньувэй. — Хватит суетиться, лучше передохнем немного.

Лезвие меча, только что скользнувшее совсем рядом, медленно вернулось в ножны.

— Осторожность превыше всего.

— Ты слишком осторожен. Великий генерал уже заблокировал город. В этой бескрайней столице нет места, где не было бы наших людей. Раз уж они все еще внутри, им отсюда не выбраться, даже если они отрастят крылья.

Кто-то насмешливо хмыкнул:

— Верно. В столице еще никто не осмеливался прятаться у нас под носом. Ха! Не пройдет и дня, как все эти демоны и призраки попадутся в наши сети. К тому же, не забывай, чья это столица.

— Придержи язык, — оборвал его другой, тяжело вздохнув. — Хватит прохлаждаться, продолжаем обыск. В этой столице еще никому не удавалось ускользнуть от зоркого взгляда Цзиньувэй.

Звук удаляющихся шагов затих, и Цяо Жань, обессилев, осела на пол.

Великий генерал Цзиньувэй?

Цяо Жань смутно припомнила низкий голос, звучавший во время вчерашней резни. Похоже, власть Цзиньувэй была куда больше, чем она предполагала. Остаться здесь — верная смерть.

У неё нет ни друзей, готовых укрыть её, ни связей. Она здесь чужая, к тому же обладает лицом, способным погубить целое царство, что делает её слишком приметной. В одиночку ей не выжить: стоит кому-то обнаружить её — и всё кончено.

Умереть сразу после перерождения — слишком дурная примета.

Цяо Жань решила: нужно немедленно покинуть столицу.

Руководствуясь принципом, что мастерство придает смелости, она поспешила прочь из этого опасного места.

Цзиньувэй прочесывали город три дня подряд, но официально объявили, что ничего не нашли. Великий генерал Яо Юйцзэ взял вину на себя и получил сто ударов палками, едва не расставшись с жизнью. При дворе воцарилась гнетущая атмосфера, все пребывало в унынии — никто не мог унять гнев императора. Смерть Цяо Сюци повергла Тайный совет в хаос, военные и государственные дела скопились горами. Из всех четырех сторон света в столицу летели письма от военачальников с требованиями объяснений. Ситуация в стране резко изменилась.

В мгновение ока прошло три месяца со дня кровавой расправы над семьей Цяо. Цзиньувэй продолжали оцеплять столицу, проводя проверки, среди чиновников царил паника. Император сурово наказал множество людей, и по мере того, как сановники один за другим попадали в тюрьму, во дворце стало совсем безжизненно.

В зале Тяньхэ раздался оглушительный грохот — в этом месяце уже неизвестно какая по счету драгоценная тушечница пала жертвой гнева императора. Вслед за этим из зала вышел великий генерал Цзиньувэй Яо Юйцзэ. Идущий следом евнух, осторожно семеня, пытался что-то сказать, но стоило Яо Юйцзэ обернуться, как он тут же замер на месте.

— Не нужно меня провожать, — бросил генерал.

Евнух не посмел послушаться, низко поклонился и отступил. Яо Юйцзэ спустился по ступеням с изображением дракона. К нему тут же подбежал военачальник Пу Цзин. Взглянув на бледное, благородное лицо генерала, который уже успел сменить тяжелые черные доспехи на парадное одеяние, он тихо спросил:

— Император снова в ярости? Но мы действительно не можем их найти, что нам остается делать?

Из-за того, что Яо Юйцзэ долгие годы носил железную маску, его кожа казалась неестественно белой, а брови — холодными и суровыми. Он слегка опустил взгляд и глухо произнес:

— Дочь семьи Цяо. Найти живой или принести тело.

Пу Цзин поджал губы:

— Слушаюсь.

Среди тел семьи Цяо не хватало одного человека. Яо Юйцзэ отчетливо помнил: в самый разгар

хао, когда госпожа Цяо пыталась бежать, за ней следовала красавица, которая, не успев даже крикнуть матушка, упала в лужу крови. Слишком жестоко.

Он тогда лишь мельком взглянул на неё, но эта красавица сейчас действительно исчезла.

Прошло три целых месяца, а следов так и не было.

Вместе с ней пропали и секретные карты военных застав Великой Лян, из-за чего император не находил себе места ни днем, ни ночью.

Выходя из дворца, Яо Юйцзэ произнес, не поднимая глаз:

— Расширьте зону поиска. Продолжайте искать.

В конце первого месяца года жизнь в столице постепенно начала возвращаться в привычное русло. Дело о резне семьи Цяо все еще расследовалось, но к каким результатам пришли власти — простым людям было неведомо.

В этом году снега было мало, зима почти не баловала им. В Шучжуне же снега не видели вовсе, зато дожди шли почти не переставая, создавая повсюду промозглую, сырую атмосферу.

Под навесами чайных на дорогах можно было встретить немало бродячих воинов. Половина всего цзянху собралась в Шучжуне, якобы для того, чтобы наказать разбойников.

На столах с грохотом летели чашки, и эти великие герои, брызжа слюной, осыпали проклятиями воров.

Цинь Хуая случайно обдало остывшим чаем. Он издал звук, похожий на смешок, и уже было собрался с негодованием поднять голову, как перевернувший чашку громила нехотя пробормотал:

— Извини.

— ...

Цинь Хуай шмыгнул носом, натянул поглубже пушистую лисью шапку, закатил глаза и проворчал себе под нос:

— Еще бы, знает, перед кем извиняться.

— Ха.

Раздался чистый, слегка насмешливый голос, звучавший довольно вызывающе.

Цинь Хуай взглянул на сидящую за столом фигуру, похожую на медведя:

— Чего ты смеешься? Все вокруг тебя проклинаят, а ты сидишь как ни в чем не бывало?

Эти люди, называющие себя благородными воинами, в лютый холод примчались в Шучжун, чтобы расправиться с величайшим вором современности, проклиная его предков до десятого колена. Кто бы мог подумать, что виновник торжества сидит прямо перед ними?

Именно этот медведь, закутанный в три слоя одежды.

Цинь Хуай снова посмотрел на девушку. Из-под шапки выглядывало пол-лица, а глаза ее были такими обольстительными, что на них было страшно смотреть дольше пары секунд.

— Цяо Жань, — Цинь Хуай почувствовал, что сидеть с ней рядом даже как-то стыдно, и, обхватив голову руками, проворчал: — Тебе обязательно так наряжаться? Боишься, что узнают?

Будто кто-то вообще знает, как ты выглядишь.

Цяо Жань сердито сверкнула на него глазами и лишь спустя долгое время тихо выдавила:

— Я простудилась, мне холодно.

Она подхватила простуду еще вчера вечером, и весь день чувствовала себя ужасно: жар сменялся ознобом, будто она уже на собственных похоронах побывала.

— Я же говорил тебе пить лекарство, а ты всё тянула, — сказал Цинь Хуай. — Знала ведь, что придется выходить, а все равно не выпила. На кого теперь пеняешь?

— Горькое, — шмыгнула носом Цяо Жань и угрюмо добавила: — У меня привередливый вкус.

Цинь Хуай:

— ...

Действительно, привередливая донельзя.

Люди за соседним столиком, разойдясь в своих проклятиях, снова с грохотом перевернули стол.

— Ц-ц-ц, может, выйдешь и дашь им себя побить? — Цинь Хуай сощурил глаза, ехидно улыбаясь. — Герой, я уже сам слушать не могу.

Цяо Жань постучала пальцем по столу и равнодушно бросила:

— Проклинают моих предков? Жаль, у меня их нет.

Цинь Хуай:

— ...

— Благородный муж умеет и прогибаться, и выпрямляться, — сказала Цяо Жань. — А я даже больше, чем благородный муж. Вставай, пора за дело.

Цяо Жань поднялась и, переваливаясь, как завернутый в листья рисовый колобок, направилась к выходу. Цинь Хуай подхватил свой меч и, не отставая ни на шаг, догнал её, хлопнув по плечу:

— В последнее время ты слишком много на себя берешь, не пора ли остановиться?

Даже величайший вор в мире не может работать без выходных. К тому же Цяо Жань была невероятно разборчива — дешевый хлам она не брала. Сокровища, украденные её «божественными руками», каждое стоило целое состояние, иначе бы она не навлекла на себя гнев столько людей.

Ведь те, кто сейчас так громко кричал в Шучжуне, были именно теми, чьи тайники Цяо Жань успела обчистить. У некоторых героев ночью даже штаны умудрялись стянуть.

...Зрелище было жалкое.

Цяо Жань шла быстро, обхватив себя руками:

— Сегодня украдем что-нибудь стоящее. Все равно скоро пора менять место, так что провернем напоследок крупное дельце.

— Ты хотя бы раз говорила, что дело будет мелким? — у Цинь Хуая дернулся глаз.

Цяо Жань, казалось, на секунду замешкалась — возразить было нечего.

— Что? Не хочешь? — спросила она.

Цинь Хуай и не посмел бы. С тех пор как он нанял эту Цяо, его авторитет как главаря банды стремительно катился вниз, и теперь в их логове заправляла «вторая глава» Цяо.

Он усмехнулся:

— Что вы, вторая глава, как можно.

Цяо Жань лишь фыркнула.

Смеркалось быстро, через час уже было совсем темно. Цинь Хуай шел за ней по пятам, свернул в несколько переулков и только на месте понял, что именно собралась украсть Цяо Жань.

— Ты сошла с ума! — воскликнул он, глядя на своих людей, которые уже ждали их на дороге. — Ты собралась украсть человека!

— ... — Цяо Жань потерла руки и закатила глаза. — Что за грязный язык? Кто крадет людей?

Позади раздались смешки.

Цинь Хуай стиснул зубы:

— Всем молчать! — он снова повернулся к ней: — Ты правда собралась похитить человека? Мы никогда не крали живых, имей хоть каплю профессиональной этики!

— Этика — это ерунда, — Цяо Жань, согрившись в пути, почувствовала, что простуда отступает, и сбросила меховую накидку. — Почему нельзя украсть живого? Дочь столичного премьер-министра, важная шишка.

Цинь Хуай вздрогнул:

— Ты знаешь, что она дочь премьер-министра, и всё равно идешь на это? Это уже не воровство, это настоящее похищение!

Цяо Жань осталась невозмутимой и, подняв веки, ответила:

— А разве мы занимаемся чем-то другим, кроме разбоя?

Цинь Хуай:

— ...

Возразить было нечего.

<http://bllate.org/book/21361/2174510>